

Ж. В. Никонова

Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

ORCID ID: — ☒**Е. В. Соловьева**

Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ORCID ID: — ☒☒ **E-mail:** nikonova@lunn.ru; soloveyka13@gmail.com.**Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге)**

АННОТАЦИЯ. В статье проводится лингвистический анализ текстов протоколов пленарных заседаний немецкого бундестага с целью выявления лингвокультурной специфики современного немецкого политического дискурса. Освещается жанровая специфика парламентских дебатов, уточняется понятие институциональности как основополагающей черты немецкого парламентского дискурса. Исследуются речевые стратегии и тактики немецких политиков. Рассматриваются особенности эксплицитного и имплицитного адресата в парламентской коммуникации. Устанавливается зависимость выбора выступающим речевой стратегии и тактик от фактора обращенности его речи. Прослеживаются кооперативные и конфронтативные тенденции в речевом поведении немецких политиков на заседаниях бундестага. В результате проведенного анализа выявляется основной принцип современной немецкой политической коммуникации, заключающийся в построении речевого взаимодействия на основе уважения и равноправия коммуникантов. Устанавливаются средства реализации принципа взаимоуважения и равноправия участников немецких парламентских дебатов, среди которых выделяются и иллюстрируются подчеркнутая языковая вежливость политиков, усложнение иллокутивной структуры употребляемых ими речевых актов, косвенность выражения коммуникативной интенции говорящего, образная театральность при экспликации отрицательной оценки в речи выступающих. Определяются языковые маркеры выражения категории вежливости в немецкой публичной политической коммуникации. Делается общий вывод о высокой коммуникативной культуре выступающих политиков на парламентской площадке Германии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: немецкий язык; политический дискурс; лингвокультурология; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; вежливость; политическая риторика; политические деятели; речевые акты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никонова Жанна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: nikonova@lunn.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Соловьева Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603093, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; e-mail: soloveyka13@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никонова, Ж. В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге) / Ж. В. Никонова, Е. В. Соловьева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 85-92. — DOI 10.26170/pl19-02-09.

Политический текст, будучи неразрывно связанным с социальными, историческими, идеологическими, культурными, психологическими и другими факторами политической жизни общества, является объектом исследования многих гуманитарных наук. Междисциплинарный статус политического текста позволяет увидеть особую языковую картину мира политики, специфика которой проявляется в жанровом и функциональном многообразии политических текстов, и создает основу для развития особой отрасли знания — политической лингвистики, возникшей на пересечении лингвистики и политологии и учитывающей достижения других гуманитарных наук — социологии, культурологии и психологии.

По мнению российского исследователя А. П. Чудинова, важнейшим постулатом современной политической лингвистики является «дискурсивный подход к изучению политических текстов, то есть исследование каждого конкретного текста с учетом социальной ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2002: 129]. Тем самым особо подчеркивается роль языка политической коммуникации, который не только отражает суще-

ствующую политическую реальность, но и меняется вместе с этой реальностью, участвуя в ее преобразовании.

В политической лингвистике каждый текст рассматривается как процесс и результат политической коммуникации в конкретной ситуации. При этом цель политического дискурса заключается не в описании некоторых фактов, а в убеждении адресата, с тем чтобы, пробудив в адресате намерения, создать почву для принятия определенных взглядов и побудить к действию [Bailey 1985]. Функция воздействия на массовое или индивидуальное сознание людей, принимающих политические решения (политиков, избирателей, чиновников и др.), пронизывает все сферы политической коммуникации и состоит в оказании прямого или косвенного влияния на распределение власти (путем выборов, создания общественного мнения и пр.) и ее использование (путем принятия законов, издания указов, постановлений и пр.). Поэтому ядро политического дискурса, как подчеркивает Е. И. Шейгал, формируют те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации — борьбе за власть [Шейгал 2000]. К ним исследователь относит речи политических деятелей, политическую рекламу и парламентские дебаты.

Парламентские дебаты представляют собой диалоговый вид политического дискурса и являются повседневной практикой различных совещательных органов — парламентов, законодательных собраний. Тексты политических, в частности парламентских, дебатов являются предметом многих лингвистических исследований. Подавляющее большинство современных языковедов считает, что жанровая специфика текстов политических дебатов во многом определяется не только дискурсивными особенностями политической коммуникации (институциональность, агональность, театральность, эмотивность, фактор преобладания массового адресата и др.), но и их лингвокультурными параметрами.

Исследования лингвокультурной специфики национальных политических дискурсов в настоящее время представляются особо актуальными как вносящие вклад в налаживание межкультурного взаимодействия и преодоление межкультурных различий участников диалога в данной коммуникативной сфере (О. В. Спиридовский, Г. Н. Плотникова, Е. В. Дзюба и др.).

В настоящей статье освещаются результаты исследования лингвокультурной специфики современного немецкого политического (парламентского) дискурса, проведен-

ного авторами на примере текстов дебатов в немецком бундестаге. Материалом исследования послужили стенографические протоколы заседаний немецкого парламента за 2017—2018 гг., размещенные на официальном сайте бундестага.

Анализ языковых фактов показал, что одной из основополагающих черт немецкого парламентского дискурса является выраженная институциональность, проявляющаяся в том, что решающее значение для процесса общения в данной сфере имеют социально-ролевые отношения его участников [Никонова, Соловьева 2018]. Общение коммуникантов в бундестаге — самой высокой площадке формальных политических дискуссий в ФРГ — устанавливает необходимость строгого соблюдения статусно-ролевых и коммуникативных правил публичного политического дискурса для укрепления положительного образа национального парламента. При этом особое значение для функционирования немецкого парламентского дискурса как высокоинституционального вида политической коммуникации приобретает фактор **обращенности**, под которой понимается «когнитивный процесс планирования адресантом своего дискурсивного поведения, направленного на корректировку фрагмента модели мира адресата, осуществляемую в том числе и через обращение к конкретным социальным ролям адресата как участника взаимодействия в институциональном дискурсе с опорой на языковые средства разных уровней» [Митрофанова 2009: 10]. Обращенность политического дискурса определяет и регулирует стратегию речевого воздействия адресанта общественного института на адресата данного института [Там же]. Однако необходимо отметить особую специфику адресата в парламентском дискурсе, а именно его сложный, многоплановый характер, поскольку получателями политической информации являются не только слушатели, непосредственно находящиеся в парламентской аудитории (депутаты, наблюдатели и журналисты), но и широкий круг потенциальных избирателей, имеющих возможность следить за дебатами в бундестаге через СМИ.

Исследование стенограмм заседаний бундестага свидетельствует о том, что участники немецких парламентских дебатов в своих выступлениях фокусируют внимание на разных аспектах сложного адресата политической коммуникации, т. е. обращают свое сообщение эксплицитному либо имплицитному адресату, используя при этом разные коммуникативные стратегии и тактики, наиболее подходящие, с их точки зрения,

для решения конкретной коммуникативной задачи.

Установлена определенная зависимость выбора речевой стратегии выступающим в бундестаге от фактора обращенности его речи (эксплицитности/имплицитности запланированного адресата). Так, например, если немецкий политик настроен на ведение конструктивного диалога и политическое сотрудничество с коллегами из аудитории и обращает свою речь прежде всего к слушателям из зала, т. е. *эксплицитному* адресату сообщения, то для осуществления языкового воздействия на данный тип адресата говорящий применяет, как правило, **кооперативные** коммуникативные стратегии, направленные на вовлечение слушающего в интеракцию путем разъяснения своей позиции, убеждения в чем-либо, побуждения к принятию какого-либо решения, например:

(1) *Es liegt ein Kompromiss vor. Dieser Kompromiss ist aber einer, der trägt, und es ist einer, der die Botschaft aussendet: Der Bund kann jetzt in klaren Grenzen in Köpfe und nicht nur in Beton und in Kabel investieren. Das ist besser, das ist gerechter, das ist ein Zeichen von **Gemeinsamkeit**, und das ist **gut** für die Kinder in diesem Land, meine Damen und Herren* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7701].

Данный пример иллюстрирует реализацию говорящим кооперативной речевой стратегии через тактику **убеждения** слушающего, суть которой — воздействие на сознание адресата, в результате которого он приходит к мнению, что предлагаемое говорящим политическое действие правильно и необходимо (адресант, в свою очередь, использует для этого положительно-оценочную лексику — выделена шрифтом).

(2) *Wir alle sind der Meinung, dass vergleichbare Bildungsstandards richtig sind. Aber wir haben Zutrauen in die Länder und deren Vereinbarungen in der Kultursministerkonferenz. Wir empfinden Wettbewerb dabei nicht als Nachteil, sondern als Vorzug. Auch daran wird nicht gerüttelt. Ich will es zusammenfassen: Der Bund ist nicht der bessere Schulmeister. Der Bund will gar nicht Schulmeister sein, und er soll es nicht sein. Es geht hier um Infrastruktur. Dabei ist der Bund aber auch nicht Baumeister; das sind die Kommunen in Zusammenarbeit mit den Ländern. Der Bund wird also nicht Schulmeister und auch nicht Baumeister. Diese Aufgaben sind in guten Händen bei den Kommunen und den Ländern. Es geht einzig darum, wie wir Finanzhilfen möglich machen können, die, glaube ich, alle gemeinsam für richtig halten. Das will ich in den Mittelpunkt stellen* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7699].

Пример (2) представляет собой случай реализации говорящим кооперативной коммуникативной стратегии путем применения тактики **разъяснения**, в ходе которого адресант, приводя логические доказательства и объективные факты, постепенно подводит адресата — коллег-парламентариев — к осознанию правильности и обоснованности собственной позиции (данная цель достигается путем применения разноуровневых языковых средств, обеспечивающих высокую степень связности текста — повторов, союзов и частиц, местоимений, предложений — логических скреп типа «я хочу подытожить» и др).

В примере (3) говорящий использует кооперативную тактику **призыва**, при помощи которой адресату открыто сообщается о необходимости принятия совместного решения (направления финансирования в область дополнительного профессионального образования педагогов) для общего блага (применяются модальные глаголы — выделены шрифтом):

(3) *Es geht um Bildung. Es **darf** nicht sein, dass wir ausgerechnet in der Schule unzureichende Fortbildungen für Lehrerinnen und Lehrer haben. Wir können nicht warten, bis wir genügend junge Lehrerinnen und Lehrer haben, die Digital Natives sind. Wir **müssen** in Weiterbildung investieren* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7703].

Также следует обратить внимание на случаи обращенности речи немецких политиков, выступающих в бундестаге, к *имплицитному* адресату сообщения. Анализ таких языковых фактов позволяет установить следующее. Если речь оратора направлена в первую очередь на достижение внешнего, «театрального» эффекта, создание определенного собственного образа, завоевание симпатий широкой публики, т. е. апеллирует прежде всего к имплицитному адресату (электорату, представителям СМИ), то говорящий чаще всего использует коммуникативную стратегию **самопрезентации** либо коммуникативную стратегию **дискредитации** оппонента. Рассмотрим такие случаи на конкретных примерах.

(4) *Meine Damen und Herren, die AfD-Fraktion macht bei diesem Projekt nicht mit. Für uns ist Bildung Sache der Länder. Die AfD steht zum Föderalismus. Die AfD stellt sich vor unser Grundgesetz. **Wir** machen bei **Ihrer** Verfassungsänderung nicht mit!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7698].

В данном примере стратегия самопрезентации реализуется говорящим через тактику поляризации: фрагмент выступления имеет декларативный характер заявления от лица партии, чья позиция противопоставля-

ется позиции политических противников (используется оппозиция местоимений первого и второго лица).

(5) *Auch die müssen anständig bezahlt werden! Anständiger Lohn für alle!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1... 2017: 7897].

Пример (5) иллюстрирует реализацию стратегии самопрезентации через тактику призыва: говорящий провозглашает лозунг явно популистского характера, внешне отвечающий запросам современного общества и рассчитанный, таким образом, на привлечение внимания потенциальных избирателей.

Следующие примеры представляют собой случаи реализации стратегии дискредитации через тактики обвинения (6) и осмеяния (7):

(6) *Ihr spaltet die Menschen in Europa, und ihr spaltet die Menschen in der Welt!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1... 2017: 7698].

(7) *James Bond! Euro-Bonds! Projektbonds!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1... 2017: 7699].

По своей сути данные тактики являются конфликтными. Однако анализ конкретных коммуникативных ситуаций в парламентских дебатах немецкого бундестага показывает, что за произнесением фраз подобного типа, как правило, не следует ответной (защитной) реакции оппонента, т. е. такое коммуникативное поведение расценивается самими участниками процесса общения как часть политической полемики, своеобразный ритуал, театральная ход с целью достижения зрелищности, занимательности, эффектности политической коммуникации для внешних наблюдателей (населения страны).

Анализ обширного корпуса текстов дебатов в бундестаге позволяет утверждать, что, несмотря на очевидные различия в коммуникативном поведении и варьирование речевых стратегий и тактик немецких политиков, в данной коммуникативной сфере неизменно действуют принципы и правила, строго соблюдаемые участниками процесса общения. Главным из них является **принцип взаимоуважения и равноправия** коммуникантов. Как показало исследование практического материала, данный принцип находит свое отражение в выраженной *вежливости* речевого поведения политиков, частотном применении говорящими *речевых актов со сложной иллокутивной структурой, косвенных речевых актов, а также образно-театральных речевых актов отрицательной оценки*.

Доказательством подчеркнутой вежливости коммуникантов по отношению друг к другу в немецком политическом дискурсе служат разнообразные языковые маркеры, среди ко-

торых выделяются *этикетные обращения и этикетные перформативы просьбы, благодарности и пожелания* в текстах докладов немецких депутатов, например:

(8) *Hochverehrte Frau Künast, Sie haben sicherlich schon mitbekommen, das ich über die Tagesordnung des Gastgebers Vereinigte Staaten von Amerika spreche. Das ist für Sie vielleicht schwer auszuhalten; aber das ist hier meine Aufgabe* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 4458].

(9) *Nein! Das ist eben falsch, liebe Frau Heil! Das ist wohl Frau Heils Märchenstunde!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 4458].

Примеры (8), (9) иллюстрируют использование говорящим подчеркнуто вежливых обращений даже в контекстах высказываний, имеющих общий конфликтный характер по отношению к оппоненту (выражают упрек, насмешку). Однако при очевидном намерении уязвить своего политического соперника говорящий облачает его в такую языковую форму, которая не унижает и не оскорбляет коммуникативного партнера и позволяет таким образом самому говорящему продемонстрировать собственный высокий политический статус.

В процессе анализа выявлено большое количество примеров, содержащих лексемы-интенсификаторы:

(10) *Meine Damen und Herren, ich bitte Sie sehr herzlich, dieser Änderung hier zuzustimmen, und ich bitte die Länder sehr herzlich, dafür zu sorgen, dass wir einen großen, einen guten Schritt vorankommen, was die Gleichwertigkeit der Lebensverhältnisse angeht* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7702].

Пример (10) показывает, как выступающий в бундестаге, выражая стандартное для парламентской коммуникации предложение поддержать рассматриваемый законопроект посредством перформатива *bitten*, использует в своей речи лексику *herzlich*, что придает высказыванию характер искренней дружеской просьбы.

Пример (11) демонстрирует высокую этикетность перформативного речевого акта благодарности. Выступающий депутат выражает признательность президенту, эксплицируя в речи глубокое уважение высокого статуса собеседника и формальность ситуации общения:

(11) *Gestatten Sie, lieber Herr Präsident, dass ich Ihnen zu Beginn im Namen der Bundesregierung meinen herzlichen Dank übermittle* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68... 2018: 7898].

Примеры (12) и (13) представляют собой перформативы пожелания. Данный иллоку-

тивный тип речевого акта демонстрирует высокую частотность в речах немецких политиков, что позволяет говорящему продемонстрировать доброжелательное отношение и расположение к собеседникам, создать благоприятное впечатление своим выступлением:

(12) *Ich wünsche Ihnen für die Zukunft alles erdenklich Gute* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57... 2018: 7899].

(13) *Ich wünsche Ihnen allen im Namen des ganzen Hauses geballte gute Wünsche und alles Gute für das neue Lebensjahr!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57... 2018: 7899]

Анализ стенограмм заседаний бундестага также показал, что принцип взаимоуважения и равноправия коммуникантов реализуется в немецком политическом дискурсе не только при помощи экспликации в речи докладчиков категории вежливости, но и посредством частотного употребления говорящими **речевых актов со сложной иллокутивной структурой**. Следует отметить, что в данном случае речь идет об отрицательно-оценочных речевых актах, выражающих несогласие и критику по отношению к оппоненту. Однако для вербализации отрицательной оценки немецкие политики используют сложную структуру речевого акта: сначала, как правило, дается положительная оценка действий противоположной стороны, а затем вводится контраргумент, позволяющий перевернуть данную ситуацию в свою пользу, дискредитируя политического противника. Применение данного средства позволяет говорящему, не нарушая принципа взаимоуважения и равноправия политических сил, тем не менее эффективно осуществлять политическую борьбу, привлекая электорат на свою сторону, например:

(14) *Natürlich hat Herr Maas recht: Es gibt Probleme mit Hass- und Falschnachrichten und der Rolle, die soziale Netzwerke da als Plattformen spielen... Die gibt es aber nicht erst seit gestern, und sie sind unbedingt ernst zu nehmen, früher haben Sie aber die ignoriert!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25120]

(15) *Natürlich, liebe Kollegin Sitte, ist Strafverfolgung Sache der Justiz... Natürlich braucht es auch eine lebendige Zivilgesellschaft, um Hetze, Hass und Verleumdung im Netz zu begegnen... Das ist völlig unbestritten... Aber doch schon heute haben Plattformbetreiber die Pflicht, strafbare Inhalte von ihren Seiten zu löschen. Wissen Sie das denn nicht? Das ist aber eine Überraschung!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25121]

Косвенные речевые акты также являются средством реализации принципа взаимоуважения и равноправия в современном

немецком парламентском дискурсе. Наиболее частотными являются в данной связи косвенные речевые акты иллокутивных типов *совет* и *несогласие*. Косвенное выражение коммуникативных интенций адресанта в данных типах речевых актов служит для минимизации прямого коммуникативного воздействия на адресата, что дает возможность говорящему не только снизить категоричность сообщения и избежать конфликтности ситуации, но и продемонстрировать уважительное отношение к реципиенту, например:

(16) *Frau Bundeskanzlerin, ich finde, es wäre aller Ehren wert, einem solchen amerikanischen Präsidenten in der verbleibenden Amtszeit deutlich zu widersprechen* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 23420].

Данный пример является косвенным речевым актом совета, обращенного выступающим депутатом к бундесканцлеру ФРГ, присутствующему на заседании парламента. Косвенное выражение иллокутивной силы совета эксплицирует признание говорящим высокого социального статуса реципиента, а также наличия права выбора у последнего относительно каузируемого действия.

Примеры (17), (18) иллюстрируют выражение немецкими депутатами своего несогласия с позицией политических оппонентов в косвенной, завуалированно-эвфемистичной форме, когда говорящий не отрицает чужое мнение, но ссылается на свою неспособность понять или разделить его в сложившейся ситуации:

(17) *Aber ich will ganz ehrlich sagen: Ich kann die Euphorie die hier teilweise in den Wortmeldungen aus den Reihen der Koalition aufkam, als Rechtspolitiker der Union nicht so richtig teilen* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25123].

(18) *Deswegen verstehe ich so wenig, warum dann Konservative so sehr dagegen sind* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25108].

Ранее уже указывалось на наличие в немецком парламентском дискурсе ритуализованных, театральных элементов, призванных имитировать более острую политическую борьбу его участников. В данной связи необходимо отметить **образно-театральные речевые акты отрицательной оценки**, применение которых позволяет немецким политикам, с одной стороны, осуществлять критику и даже отрицание позиции политического соперника, а с другой, не нарушая рамок уважительного и равноправного общения, добиваться высокой зрелищности и эффектности своей публичной речи. Объектами отрицательной оценки при этом явля-

ются политические соперники говорящего, а сам выступающий принимает на себя роль обвиняющего судьи, разоблачителя неправды.

Однако даже в случаях выражения острой критики оппонентов немецкие депутаты демонстрируют высокую культуру политической коммуникации, проявляющуюся в отказе от грубой лексики в пользу эмотивных эпитетов, образных метафорических выражений и прецедентных единиц, например:

(19) *Zum angekündigten Evaluierungszeitpunkt wertete Herr Maas diese Gespräche aus und kam kurz vor Ostern plötzlich, wie Kai aus der Kiste, mit einem Gesetzentwurf, der helles Entsetzen auslöste!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25122]

(20) *Frau Merkel, ich kann es Ihnen nicht ersparen: Es war erbärmlich... Seit 2005 haben Sie die Diskriminierung von Lesben und Schwulen unterstützt und haben nichts dafür getan, dass es zu einer Gleichstellung kommt.. Sie haben sich hier verstorpt... Das war Ihr Schabowski-Moment!* [Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244... 2018: 25113]

Примеры (19) и (20) наглядно показывают, каким специфическим образно-описательным способом участники дебатов в бундестаге выражают отрицательную оценку позиций и действий своих политических оппонентов. В их речи, в частности, использованы идиоматические (*wie Kai aus der Kiste — как черт из табакерки* (пер. наш)) и прецедентные языковые единицы (*Ihr Schabowski-Moment* апеллирует к самой знаменитой в новейшей германской истории оговорке, что позволяет говорящему провести параллели с нынешним неловким поведением представителей власти). Очевидно, что в описываемых отрицательно-оценочных речевых актах реализуется намерение говорящего обличить, но не унижить политического противника, что выражается в вербальном оформлении высказываний подобного рода.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что несмотря на выраженный плюрализм коммуникативного поведения участников современной немецкой политической коммуникации, проявляющийся в варьировании речевых стратегий в зависимости от позиции и личностных характеристик участников, существует определенная лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса, которая заключается прежде всего в соблюдении принципа взаимоуважения и равноправия коммуникантов. Данный принцип реализуется посредством выражения языковой категории веж-

ливости в речи политиков, а также при помощи частотного употребления говорящими речевых актов со сложной иллокутивной структурой, косвенных речевых актов, образно-театральных речевых актов отрицательной оценки.

Особо следует отметить тот факт, что соблюдение принципа взаимоуважения и равноправия в современном немецком политическом дискурсе вовсе не ограничивает возможностей осуществления ими эффективной речевой самопрезентации, что говорит о высокой коммуникативной культуре выступающих на парламентской площадке Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 21—26.
2. Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 53—60.
3. Вознесенская Ю. В. Скрытые речевые средства ведения политической борьбы в немецкой политической коммуникации (на материале дебатов в бундестаге) // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 117—122.
4. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестник Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 4. С. 187—192.
5. Митрофанова Т. А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2010. 186 с.
6. Никонова Ж. В., Соловьева Е. В. Лингвокультурные особенности немецкого политического дискурса (на примере текстов выступлений членов бундестага) // Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы 2-го Междунар. науч.-образоват. форума (25—26 сент. 2018 г.). — Н. Новгород : НГЛУ, 2018. С. 128—133.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наук, 2006. 254 с.
8. Чудинов А. П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика : бюллетень Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2002. Т. 8. С. 128—135.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Волгоград, 2000. 431 с.
10. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller, eds. — Bologna : Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.
11. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18244.pdf> (date of access: 23.12.2018).
12. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1, Stenografischer Bericht, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19001.pdf> (date of access: 23.12.2018).
13. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19057.pdf> (date of access: 23.12.2018).
14. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19068.pdf> (date of access: 23.12.2018).

Z. V. Nikonova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID ID: —

E. V. Solov'eva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nikonova@lunn.ru; soloveyka13@gmail.com.

Linguocultural Specificity of the Modern German Political Discourse (based on texts of the Bundestag Debates)

ABSTRACT. *The article undertakes a linguistic analysis of the texts of the German Bundestag plenary meeting transcripts with a view to identify linguocultural specificity of the modern German political discourse. It highlights the genre peculiarities of parliamentary debates and specifies the concept of institutionality as the main feature of the German parliamentary discourse. The authors study speech and language strategies and tactics of German deputies. The peculiarities of explicit and implicit recipient in the parliamentary communication are described. The study reveals the dependence of the speaker's choice of speech strategy and tactics on the factor of target audience and discovers cooperative and confronting tendencies in the verbal behavior of German politicians at the Bundestag sittings. The analysis carried out has managed to formulate the basic principle of the modern German political communication consisting in the construction of speech interaction on the grounds of respect and equality of the speakers. The article describes the means of realization of the principle of mutual respect and equality in the German parliamentary debates, among which the following are of particular note: deliberate linguistic politeness of the politicians, complication of the illocutionary structure of speech acts, indirect expression of the communicative intention of the speaker, histrionic imagery expression of negative evaluation in the speech of the deputies. The authors single out the linguistic markers of the category of politeness in the German public political communication and make conclusions about a high communicative culture of politicians speaking in the German Parliament.*

KEYWORDS: German language; political discourse; linguoculturology; communication strategies; communication tactics; politeness; political rhetoric; politicians; speech acts.

AUTHOR'S INFORMATION: Nikonova Zhanna Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory and Practice of the German Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Solov'eva Ekaterina Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

FOR CITATION: Nikonova, Z. V. Linguocultural Specificity of the Modern German Political Discourse (based on texts of the Bundestag Debates) / Z. V. Nikonova, E. V. Solov'eva // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 85-92. — DOI 10.26170/pl19-02-09.

REFERENCES

1. Alferov A. V., Belova V. F., Kustova E. Y. Agonality of Parliamentary Communication (on the material of German parliamentary debates) // Political Linguistics. 2014. No 14 (50). P. 21—26. [Agonal'nost' parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 21—26]. — (In Rus.)
2. Belova V. F., Zyubina I. A., Lesnyak M. V., Matveeva G. G. Universal Nature of Communicative Strategies in Parliamentary Debates // Political Linguistics. 2016. No 3 (57). P. 53—60. [Universal'nyy kharakter kommunikativnykh strategiy v parlamentskikh debatakh // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 53—60]. — (In Rus.)
3. Voznesenskaya Yu. V. Hidden Speech Means of Political Struggle in German Political Communication (on the material of the debates in the Bundestag) // St. Petersburg State Univ. Journ. Ser. 9. 2010. Vol. 1. P. 117—112. [Skrytye rechevye sredstva vedeniya politicheskoy bor'by v nemetskoj politicheskoy kommunikatsii (na materiale debatov v bundestage) // Vestn. S.-Peterb. gos. un-ta. Ser. 9. 2010. Vyp. 1. S. 117—122]. — (In Rus.)
4. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Communicative Strategies for Manipulating Parliamentary Discourse // Pyatigorsk State Linguist. Univ. Journ. 2015. No. 4. P. 187—192. [Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // Vestnik Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 4. S. 187—192]. — (In Rus.)
5. Mitrofanova T. A. Appearance as a Pragmalinguistic Phenomenon in Institutional Discourse (on the Material of the German Language): doctoral thesis of Cand. of Filol. Sciences : 10.02.04. — Moscow, 2010. 186 p. [Obrashchennost' kak pragmalingvisticheskiy fenomen v institutsional'nom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — M., 2010. 186 s.]. — (In Rus.)
6. Nikonova Zh. V., Solov'eva E. V. Linguistic and Cultural Features of German Political Discourse (on the example of texts of speeches by members of the Bundestag) // Language Policy and Linguistic Security: Proceedings of the 2nd Intern. nauch.-educat. Forum (September 25—26, 2018). - N. Novgorod: NGLU, 2018. P. 128-133. [Lingvokul'turnye osobennosti nemetskogo politicheskogo diskursa (na primere tekstov vystupleniy chlenov bundestaga) // Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost' : materialy 2-go Mezhdunar. nauch.-obrazovat. foruma (25—26 sent. 2018 g.). — N. Novgorod : NGLU, 2018. S. 128—133]. — (In Rus.)
7. Chudinov A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta : Sciences, 2006. 254 p. [Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauk, 2006. 254 s.]. — (In Rus.)
8. Chudinov A. P. Political Narrative and Political Discourse // Linguistics: Bulletin of Ural. Linguist. Society / Ural. State Ped. Univ.; rep. ed. A.P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2002. Vol. 8. P. 128—135. [Politicheskii narrativ i politicheskii diskurs // Lingvistika : byulleten' Ural. lingvist. o-va / Ural. gos. ped. un-t ; otv. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2002. T. 8. S. 128—135]. — (In Rus.)
9. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse : doctoral thesis of Dr. of Filol. Sciences : 10.02.01. — Volgograd, 2000. 431 p. [Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01. — Volgograd, 2000. 431 s.]. — (In Rus.)
10. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D.R.B.P.

Miller, eds. — Bologna : Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77—174.

11. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/244, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18244.pdf> (date of access: 23.12.2018).

12. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/1, Stenografischer Bericht, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19001.pdf> (date of access: 23.12.2018).

13. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/57, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19057.pdf> (date of access: 23.12.2018).

14. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 19/68, Stenografischer Bericht, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/19/19068.pdf> (date of access: 23.12.2018).